

Юрий Матвеевич Новиков, главный редактор московского литературного журнала, много лет не читал стихи: устал, надоело, давно разочаровался в поэзии, а оттого всё передоверил безотказной, вечной Эльмире Антоновне, старой деве, у которой ничего за душой, кроме поэзии и доброго сердца, не было. В прошлой жизни она поклонялась Пастернаку, ездила в Переделкино, чтобы увидеть его хотя бы издалека, тайно обожала Самойлова, безответно любила Коржавина и помогала по хозьяйству безытнотной Ахматовой. Вообще в её натуре было обожать и влюбляться, но по величайшему секрету, так что можно было только догадываться. Она и стихи писала очень даже недурно, но почти не печаталась. Словом, шестидесятница, но тайная, романтическая натура, и имя — романтическое: Эльмира — Электрификация мира. На неё можно было положиться, чем и пользовался Юрий Матвеевич. Сам Новиков, хоть и был лет на десять её моложе, много лет мечтал уйти, сбросить лямку, но никак не мог решиться. В литературе он считался тяжеловесом и оттого боялся, что его не поймут: ни знакомые и вроде бы приятели, которых он безотказно печатал — не просто так, конечно, а на паритетных началах, ни в Союзе, ни жена.

Ольга Николаевна, пожалуй, первая. Юрий Матвеевич никогда не был с ней душевно близок. Брак их до некоторой степени был случайный, не из тех, что заключают на небесах, как шутил сам Новиков, — литературный, без настоящей любви и без детей. Четверть века жили они под одной крышей, но каждый своей, особенной жизнью — настолько, что так и остались и со временем всё больше становились чужими, будто где-то между ними пролегла невидимая полоса. С годами Новиков от этого стал уставать: он больше не желал ни молоденьких поклонниц, ни самовлюблённых, не слишком умных писательниц среднего возраста, и всё меньше хотелось быть похожим на Панаева, но и муторный опыт Некрасова его не привлекал — напротив, он всё больше жаждал душевного тепла и уюта. Прижаться, склонить голову на плечо, закрыть глаза... Он пытался рыться в памяти, но не находил... Почти не находил... Всё было не то

или безнадежно испорчено. Им самим испорчено. Он начинал впадать в хандру: всё, чему Новиков посвятил жизнь, что казалось исключительно важным, незбылемым, что он написал, ради чего кривил душой, лгал в другой жизни, а ведь его считали прогрессивным, талантливым, подающим большие надежды, сравнивали то с Фёдором Абрамовым, то с Юрием Трифоновым, — всё со временем обесцветилось, обесценилось. Оказалось не то. Многое он не додумывал раньше, недопонимал, боялся признаться даже самому себе, что ему не хватало смелости, прыти, что он слишком любил себя, был чрезмерно осторожным.

А потом всё сломалось в одночасье. Казалось бы, свобода! Ан нет, писатели растерялись, замолчали. Цензуру отменили, и писать стало не о чем. Захлестнуло мелкотемье. Парадокс, но литературу перекрыла журналистика. Вместо выдуманного — настоящее...

Литература выживала, но как? Все кругом делали вид, притворялись, будто ничего не происходит. Между тем Новикову казалось, будто он на похоронах. Журнал умирал. Читателей становилось всё меньше, в разы. И сил что-то изменить не было. И таланта не хватало. И начатый им роман, написанный до середины, много лет пылился на столе.

Что-то происходило и с ним самим. Устал, сломался. Юрий Матвеевич был грамотный человек. Он сам себе поставил диагноз: депрессия. Хоть в петлю лез!

Случайно взгляд Новикова остановился на подшивке стихов, которые положила перед ним вечная энтузиастка Эльмира. Электрификация мира. Зачем? Он всё равно их не читал. Скучно. Он устал от рифм. Как часто рифмы заменяют мысли. Но она с упорством старой девы всё равно клала их на самое видное место.

Вы не такой, как мечталось — не лучше, не хуже — просто иной.

Мне показалось, что стало чуть-чуть расстояние уже между Вами и мной.

Кажется, скоро оно и совсем растает,

и до руки

чтоб дотянуться, лишь шага всего не хватает или строки¹.

.....

1. В рассказе использованы стихи поэтессы Наталии Кравченко.

В первый момент Новиков растерялся. Вздрыгнул. Будто сквозь тело, прямо к сердцу, прошёл ток. Сквозь его тоску. Словно незнакомка из Сызрани, золотоволосая, красивая, молодая, с дивным одухотворённым лицом, с тонкими изящными руками, — словно не стихи она прислала, а тайное послание ему! Ему! Будто многие пустые годы ждал он этого письма. Будто душа его, истосковавшаяся, замёрзшая, ждала именно этих слов! Именно от неё! И вот — дождался!

А ведь были у него женщины, и немало. Жена — не в счёт. Чёрствая эгоистка, эготистка. Настоящего дарования у неё не было, хотя умна, хитра, пронёрлива. Заурядная, в общем-то, женщина, средняя, талант — так себе. Наделена, однако, необыкновенной пробивной силой. Впрочем, тут не столько сила. Деньги, женские прелести. Да, Ольга Николаевна не в счёт... А ведь промелькнуло же множество поклонниц... Как же — главный редактор! Даже больше до того! Писатель! Имя! Лауреат! Это сейчас писатель — чудак, неудачник, а ещё недавно — почти небожитель. И все эти девочки, мечтательницы, графоманки, хотя встречались среди них иногда и талантливые, — все с экзальтированным восторгом смотрели на него. Только что видели? Человека? Мужчину? Хотя бывало... Или одно имя? Да что им далось имя? Писатель... «Что в имени тебе моём?» Да, что? А ведь пусто, ничего не осталось. Как мираж... Чаще всего Татьяны... Разве что на память пальцы загигать...

А эта милашка из Сызрани, золотоволосая. Сколько ей лет? О ком это она? Слова, какие слова! Особенности! Юрий Матвеевич давно разучился верить словам, но тут... Тут не могло быть фальши!

Зову тебя. Ау! — кричу — Алё!
Невыносима тяжесть опозданий,
нависших между небом и землёй,
невыполненных ангельских заданий.

Пути Господни, происки планет,
всё говорило: не бывает чуда.
Огромное и каменное «Нет»
Тысячекратно множилось повсюду.

Ты слышишь, слышишь? Я тебя люблю! —
шепчу на неизведанном наречье,
косноязычно, словно во хмелю,
и Господу, и Дьяволу переча.

Луна звучит высокой нотой «си»,
но ничего под ней уже не светит.
О, кто-нибудь, помилуй и спаси!
Как нет тебя! Как я одна на свете.

«Неужели это о муже?»

Только теперь Юрий Матвеевич начинал догадываться, что мучило его все последние дни,

недели, годы. Одиночество. С младых ногтей, с тех самых пор, как вырвался от родителей и учился в Литинституте. Среди людей, среди друзей, только вот друзей настоящих не нашлось. Карьера... Вот о карьере думал...

Сколько их было там, девчонок, в Литинституте. Неглупых вроде бы девчонок. И настоящих, талантливых кто хорошие стихи писал, и графоманок. И ребят тоже. И ведь никто не пробился, никто. Печатались. Ну и что, что печатались? Положить на это жизнь? За несколько строчек — жизнь? А ведь неплохие, хорошие, замечательные даже девчонки и ребята.

А он сам? Посмотреть со стороны — преуспел. А на самом деле? Жил этим — пробиться, выскокить на самый верх, до сумасшествия этим жил...

Когда-то Новиков начинал совсем неплохо. Издал несколько книг, и вроде даже неплохих книг — так, по крайней мере, казалось тогда. Получил премию, стал лауреатом. Но ведь и книги под нож...

Да, было. Сам себе цензор. В Литинституте ещё. Нельзя сказать, что колыбель свободы — того нельзя, и этого нельзя, и то опасно, — но трепыхались. Говорили, говорили ночи напролёт. Вот тогда впервые и решил написать. Так и назвал свою повесть: «Три поэта». Название рабочее, условное. О Борисе Корнилове, Павле Васильеве, Ярославе Смелякове. Но так и не докопался, за что двух первых расстреляли, — антисоветского ничего в них не открыл. За то, что пили? Так богема! Стихи писали и водку пили. Только кто не пил? Шолохов, и тот: «С такой жизни запьёшь!»² Однако протянул нитку — в Крым, «Жидовка»³ привела. И дальше, дальше. Десятки тысяч казнённых. Мёртвые в море, как неубитая армия. «Фурия красного террора»⁴. Всё-таки гуманитарии, кое-что читали, как ни шмонали на границе... Мельгунова...⁵

.....

2. Якобы эти слова сказал М. Шолохов Сталину в ответ на упрёк в злоупотреблении спиртным.
3. «Жидовка» — стихотворение Я. Смелякова о большевичке Розалии Землячке (Р.С. Залкинд; другой псевдоним — Демон).
4. Фурией красного террора назвал А. Солженицын Р. Землячку, организовавшую и возглавившую красный террор против оставшихся в Крыму военнослужащих белой армии Врангеля. Но не только они, фактически террору жесточайшим образом было подвергнуто всё население Крыма.
5. Мельгунов Сергей Петрович (1880–1956) — русский историк и политический деятель. Находясь в эмиграции, занимался историческими исследованиями о русской революции и Гражданской войне. Наибольшую известность С.П. Мельгунову принесла книга «Красный террор в России», впервые изданная в 1923 году в Германии. Книга переведена на многие иностранные языки, в России впервые издана в 1990 году.

Шмелёва...⁶ Толе Блинникову читал— добрый был парень, так и застрел в провинции, рядовой от литературы. Не всё читал, отрывки. Но сам же и испугался. Не дай бог разболтает, а то и хуже. Спрятать негде было: общежитие, всё под

.....
6. Шмелёв Иван Сергеевич (1873–1950)—русский писатель, публицист, православный мыслитель. О красном терроре в Крыму пишет с потрясшей силой в своём произведении «Солнце мёртвых». Жертвой красного террора в Крыму стал 25-летний сын Ивана Шмелёва, офицер царской армии Сергей Шмелёв.

7. Дон Аминадо (Д. Аминадо, настоящее имя—Аминад Петрович Шполянский; имя при рождении—Аминодав Пейсахлович Шполянский; 1888–1957)—поэт-сатирик, мемуарист, по профессии адвокат, один из заметных представителей Серебряного века, в 1920 году эмигрировал из Советской России, жил во Франции, печатался в эмигрантской прессе, больше всего— в газете Павла Милукова «Последние новости».

8. Супруги Дмитрий Мережковский (1865–1941) и Зинаида Гиппиус (1869–1945).

Дмитрий Мережковский— выдающийся русский писатель и мыслитель, поэт, переводчик, литературный критик, историк, религиозный философ, общественный деятель, борец против коммунизма, один из главных представителей русского Серебряного века, в частности, один из зачинателей русского символизма, основоположник русского историософского романа, пионер религиозно-философского анализа литературы, выдающийся эссеист. Многократно был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Зинаида Гиппиус— русская поэтесса и писательница, драматург и литературный критик, идеолог русского символизма, одна из наиболее ярких фигур Серебряного века.

С 1919 года супруги находились в эмиграции, преимущественно во Франции, являясь одними из самых значительных фигур русской эмиграции.

9. Генерал от инфантерии (1920) Александр Павлович Кутепов (1882–1930)—русский военный деятель, участник Первой мировой войны, один из лидеров Белого движения, эмигрант. В 1928–1930 гг.—председатель Русского общевоинского союза (РОВС), активный борец против большевизма, был похищен в Париже агентами ОГПУ в рамках операции «Трест». Место гибели генерала неизвестно. По одним данным, генерал Кутепов оказал сопротивление и скончался от сердечного приступа, вероятно, вследствие введения ему большой дозы морфия в процессе борьбы, и похоронен во дворе частного дома. По другим данным, скончался на пароходе, следовавшем из Марселя в Новороссийск.

10. Генерал-лейтенант (1915) Евгений-Людвиг Карлович Миллер (1869–1939)—русский военачальник, руководитель Белого движения на севере России (1919–1920), с 1930 года, после похищения генерала А. Кутепова, возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС), непримиримый борец против большевизма, похищен агентами НКВД в 1937 году, вывезен в СССР и заключён во внутренней тюрьме на Лубянке. Приговорён к смертной казни и расстрелян в 1939 году.

негласным контролем. Уж что контроль—знал, и все знали, дежурная как-то проболталась. Дураки, и те догадывались. Идеологическая сфера. Оттого сам, жонжниками на мелкие кусочки. Нельзя было.

И потом не раз чесались руки. Серебряный век, эмиграция, революция, Париж— всё не так, как в учебниках. Дон Аминадо⁷, граф Толстой, Бунин, Цветаева, Мережковские...⁸ Так и не написал ни строчки! Всё в себе носил. Ждал. А ведь какие образы! Те же Кутепов⁹, Миллер¹⁰. Так ведь и Пастернак сколько лет до доктора своего, Живаго, всё в себе держал. Всё в себе.

Мы обречены на немоту.

Всё с собой уносим в темноту.

Так и жили, пока в девяносто первом всё не рухнуло, вся прежняя жизнь. Думали—свобода, а оказались не нужны. И он сам, и книги его, Новикова. Вместе с «совком». Войнович вернулся, Рыбаков, бестия, вылез из подполья. А он, Новиков, где был, там и остался. Верноподданный... Не скандалист... Вот она, плата. Расплата...

Так ведь и в самом деле «совковые» книги. Лицемерил. Нельзя было без этого.

Он давно их перерос, эти книги. Сознал и в то же время боялся сознаться себе. Это как ребёнок, когда вырастает из старых одежд. Хотел написать новое, всё ещё было впереди, собирался, и всё никак. Закрутился. Рассказы ещё туда-сюда, но роман, большой, энциклопедический... Не только люди. Эпоха. Собственный взгляд... Что-то застопорилось. Устал... Слишком рано устал... Тело— в порядке, а вот душа... Заряд закончился... В Советском Союзе— год за два.

Хотел на необитаемый остров, но где он, тот остров? Разруха в голове. Но главное—сказать оказалось нечего. Пусто...

Юрию Матвеевичу стукнуло сорок пять, когда ему предложили стать главным редактором. Нет, он, конечно, лукавит, будто предложили. Пути искал. Ходил и просил. К самому. И не просто так ходил. Не с пустыми руками... Написал пьесу, предложил соавторство. Унижался. Посмотрите, мол, сделайте исправления...

Хотя тут больше всего случай. Время такое подвернулось. Перестройка...

Претендентов трое было: Васильев, Савельев и он, Новиков. Другие разбежались. В самом деле, не советское хлебное время: безденежье. Всё сразу рухнуло, вся система. Сразу стали никому не нужны. Хотя, с другой стороны,—сам Новиков не застал, но рассказывали,—вызывали на ковёр, как школьников, придирались к каждому слову. Чихвостили, доводили до инфарктов, чуть ли не ставили в угол. Умели. Был там особенно один такой, дядя Митя... Хам... Как же-с, идеологический фронт!

И тут тоже: Васильев вроде как тайный диссидент. Крикливый был тип, безудержный. Когда-то чуть ли не чёрной сотне служил, вернее, прислуживал, но потом резко забрал влево. Так вот, никем не доказано, ни до ни после: в «Апрель»¹¹ не входил, в «Метрополе» не участвовал, но где-то там выступил. Рубашку на себе рвал. Думал, оценят, а вышло наоборот. Подозревали, хотя, вероятно, зря, будто либерал. А в Союзе терпеть не могли либералов.

Потом он заходил иногда, этот Васильев, стрелял червонцы и плакался на жизнь. С женой развёлся, и пил, и давно ничего не писал. Да и зачем? В молодости написал несколько вещей и считался перспективным, но потом всё пошло кувырком. И погиб бессмысленно и страшно: попал под электричку. Писали — перья-то не перевелись, — что будто не его одного, что будто всю российскую литературу переехала та электричка. А, мол, он, Васильев, только частный случай.

Савельев тоже не подошёл. Патентованный консерватор. Охранитель. Ругал Солженицына и Сахарова. Опять же, профессиональная болезнь — пил. Только умные люди — в меру, а этот — без меры. Учитель. Назидательный такой. К тому же слишком на слуху: только проиграл выборы. Народ, особенно гуманитарный, против него скрипел: ретроград. И в самом деле: прославился охотой на ведьм. Словом, момент для него неподходящий. Он чуть позже всплыл, дождался-таки своего часа...

А он, Новиков, как раз посередине. И тем, и этим. Не то чтобы близкий друг, но и не враг. Проходная фигура...

...Человек сам выбирает свою судьбу. Сам? Или обстоятельства? Теперь-то он точно знает: сам, но только один раз. Это как экзамен без права передачи. И он выбрал. Или всё же судьба сделала выбор за него?

Лиля. Он до сих пор её помнит. Вспоминает по ночам. Её родинки, ямочки на щеках, глаза, губы, её аккуратные груди, соски. Хочет. Слово она жива. Кошунственно хочет. Разве можно хотеть мёртвую? Лиля...

...Недолгий был роман в Литинституте. Концерты. Театры. Стихи писала... Любовь... Да, любовь...

Всё могло быть совсем иначе. Но... Был ли он виноват? С этой их идеологией, классовостью, со всем этим фарисейством... Только весь как оплётанный — на всю жизнь. Хотел наложить на себя руки... Но пережил... Со временем забылось. Только в Интернете появляется иногда... Редко.

...Век-волкодав. Бандитский век...

Это, кажется, Брехт сказал: «Несчастливая страна, которая нуждается в героях». А он, Новиков, не герой. Совсем не герой. Он и не мечтал стать героем. Он — человек рациональный.

...Стихи писала. Вот и дописалась. Зато какие стихи! Только время нехорошее было, брежневское.

Новиков уговаривал её — не о том писать. О чём-нибудь безопасном. Хотя о любви, о комсомоле, хоть про Братскую гЭС. И не такие люди писали. Или, как он, Юра, о деревне. Про русских писателей, про советских. Да хоть о чём. Уже много чего было можно. Хотя как чуть чего копнёшь, так табу. Он ведь тоже мучился, тоже не всё писал. Нельзя! Какое слово могучее было: «нельзя»! Да, нельзя было о том, как собственного деда высылали. И как соседей расстреляли в двадцатом — прямо за околицей. Он, Юра, конечно, не мог видеть. Это бабушка — крестилась и цветы полевые на том месте клала...

Только он не писал, боялся, а она писала, Лиля! Хоть бы прославилась сначала, а потом... Так нет же. Стихи её в списках ходили. Про Свободу, про это самое «нельзя», про Бутовский полигон¹². Дед у неё был там расстрелян. Так ведь большевик дед. Раскулачивал-расказывал, расстреливал направо и налево, вот и до него докатилось красное колесо.

Прямо из постели (а хороша была Лилечка, во всём она была хороша) вытащили Новикова к оперу, студентом ещё последнего курса, и вот эти самые стихи положили перед ним:

— Узнаёшь? Читал?

Отпираться было глупо. На всю жизнь Новиков запомнил дрожь в ногах и пот под мышками. Резкий такой запах. Страх. Вот только тогда он понял, что у страха есть запах. Ещё успел подумать: «Павлик Морозов». Догадался, что и ему придётся стать Павликом Морозовым. Только тот сам, по глупости, а он...

— Узнаю...

Не герой. Но и выхода не было. Не мог сказать, что не читал.

— Пиши всё, что знаешь. Или — из института. Ей ты ничем не можешь. Доигрались...

И Новиков писал, всё писал. И ходил на очную ставку. Своего сексота, настоящего, они выгораживали, он мог ещё пригодиться. Хотя Новиков догадывался. Впрочем, сексот наверняка существовал не один. Но, увы, так выходило, что сексот — это он, Новиков. Лиля так и решила и не стала разговаривать. Гордая. Да что такое гордость против системы?!

После этого им ничего не стоило Новикова доломать. Уж что-то, а ломать они умели. Выбор у него не было. Если хочешь стать писателем, сделать карьеру — сотрудничай. А нет — значит, пропадай или уезжай, только никто тебя никуда не отпустит.

Лилю Новиков с тех пор видел всего два раза. На очной ставке и когда уезжала. Высылали

11. «Апрель» — объединение писателей, выступавших за демократические перемены.

12. Бутовский полигон — в годы большого террора место массовых казней в Подмосковье (сейчас Москва).

из страны. Но и там—недолго. Руки у них были длинные. Дотягивались и туда. Уж что они умели в совершенстве—ненавидеть. Мстить. Всех, кто не с ними, считали отщепенцами. А Лиля продолжала писать. Не боялась. Не верила, что могут убить.

Опять же, никем не доказано, но почему-то именно у Лили в горах отказали тормоза. Как у Амальрика. А Гинзбурга-Галича убило током. И Литвиненко. А Рохлина непонятно почему убила жена.

Когда Лиля уезжала, Новиков работал в журнале. Должность была небольшая, и всё же провозжать Лилю казалось опасно, даже поговорить минуту—могли уволить с работы, как-никак идеологический фронт. Новиков догадывался, что ничего хорошего не выйдет, пятно было несмываемое, хотя, видит Бог, ему не в чем себя упрекнуть, мало кому удавалось не измазаться, лишь отдельным чудачкам, но он пересилил себя и пошёл. Хотелось оправдаться.

Но всё получилось именно так, как он и боялся. Провожали Лилю только два человека. Два отвязных поэта, которые сами... провоцировали... Тоже хотели на Запад. Из остальных—а друзей у неё было много, и сочувствующих тоже,—никто не пришёл. Боялись. Прощались заранее. Но всё равно разговора не вышло.

— Ты, Новиков, слабый человек. Они потому и процветают, что кругом слабые, что боятся говорить правду. Я не держу на тебя зла: это не вина твоя—беда. Я тебе даже сочувствую. Хотя ты ведь далеко пойдёшь, Новиков.

— Это, Лилия, не я. Всё у них было готово. Не отвертеться. Я предупреждал. Тут у них чуть ли не каждый второй служит.

Но она и слушать не стала. Всё такая же гордая, в мыслях Лилия уже находилась там. На свободе. И Новиков стал ей неинтересен.

После этой встречи, последней, Новиков долго ходил как побитый. Репутация его оказалась сильно испорчена. Он подумывал: а не податься ли на Запад? За Лилей. Чем вся эта шушера, все эти Савенко-Лимоновы, мистики Мамлеевы и откровенные придурки Дугины¹³, лучше его? Там, на Западе, всякой твари по паре.

Но—не решился. Быть может, из-за женщин и не решился. Что американки? Пахнущие спортзалом феминистки. Кому он нужен там, бедный русский писатель? Со своими кошельками ехали наши ниспровергатели. А тут—замужние, незамужние, всякие. Писатели были в цене. Кто-то

догадывался, конечно, что сотрудничал, ходили слухи, но... молчали. Не принято было об этом говорить. Знали: от них не отбиться.

И вот на склоне лет и вспомнить нечего—все промелькнули. Ни любви, ни привязанности особой. Имена и те не всегда удавалось вспомнить. Богема...

Женился Юрий Матвеевич далеко за сорок на известной писательнице Варвариной, однако как жил до того бобылём, так бобылём и остался. Ольга Николаевна была на несколько лет старше Новикова и хозяйка никакая, кастрюли она не переносила, зато вся в себе, в астрале, как говорила сама. Обожала себя в литературе. Новикова она почти не замечала и уже много лет только по понедельникам и пятницам подпускала его к себе.

Считалась Ольга Николаевна природной рифейкой, и по рождению, и по образу мыслей, хотя давно прижилась в Москве,—от этого в её прозе, мелковатой и эклектической, присутствовали и Хозяйка медной горы, и Великий полоз, и бабка Синюшка, и Огневушка-посакашка, и недавние бандиты, уралмашевские и центровые, и новые русские форбсы. Писала она и о загадочных волшебных камнях, и о необыкновенных корундах, и о горных духах и чудо-мастерах. Вообще, помешана была на потустороннем и сказочном, чего никак не могло быть. Многие, и Новиков в их числе, писания её считали странными и даже болезненными, но это не мешало ни её непонятной известности, ни необыкновенной практичности. В том, что касалось премий, грантов, поддержки меценатов, дружбы с телеведущими, поездок за границу, равных ей не существовало. Варварину всюду печатали, даже за границей, и рецензенты как один находились от неё без ума, хотя, видит Бог, имелось множество авторов лучше её. Но их отчего-то не замечали. Вообще, её проза казалась Новикову искусственной и надуманной, но главное—ни о чём. Не то чтобы Юрий Матвеевич ей завидовал—всё же супруга, но...

Таинственные свои связи Варварина пуще ока берегла от посторонних глаз, так что Новиков только лет через пять докопался, что главный её спонсор—бывший гражданский муж и по совместительству олигарх, Катин, с которым Варварина по-прежнему поддерживала очень тесные отношения. Настолько тесные, что Юрию Матвеевичу казалось в пору подавать на развод. Хотя, с другой стороны, у Катина к тому времени имелась прелестная юная супруга, которую он, не жалея денег, раскручивал в качестве телеведущей.

Он, этот бывший, Катин, имел самые близкие отношения с литературой: состоял в учредителях и спонсорах всех главных премий, которыми награждалась Варварина. Он же, как оказалось, оплачивал рекламу и издание её книг: статьи в газетах,

13. В отличие от Э. Лимонова и Ю. Мамлеева, Александр Дугин, считающийся философом, социологом и политологом, бывший член фашистского «Чёрного ордена», национально-патриотического фронта «Память» Дмитрия Васильева и один из основателей национал-большевистской партии, в эмиграции не был.

многочисленные рецензии и выступления на телевидении, в гордом одиночестве и в окружении таких же, как она сама, придуманных звёзд.

— А мне ты не хочешь помочь? — как-то, слегка подшофе, спросил Новиков. — Я, чай, тоже не последний человек в литературе. Тоже лауреат, ещё советского времени. Прощельга твой банкир, не обеднеет. Ведь графоман, ну чистый графоман. Предлагал мне хорошие деньги за публикацию в журнале. И я бы, грешным делом, взял, не святой, но есть же для всякой бездарности предел.

— С тех пор он про тебя и слышать не хочет, — пожалла плечами Ольга Николаевна.

— Ревнует, — засмеялся Новиков. — Всё-таки родственник. Как говорили римляне, через это самое место. Сакральное.

— Ты не смейся, — обиделась Варварина. — Он не бездарный. Он любой текст может купить, ему не нужно писать. У него другой дар!

Пришлось Новикову осознать, что любовь любовью, хотя какая тут любовь, а денежки врозь. И слава тоже. Слава, наверное, особенно. И при этом смотрит на него свысока, с ощущением превосходства, а с чего бы? И плевать ей, что Новиков замыслил гениальный роман про Серебряный век, грандиознейший, не чета её доморощенным «Корундам» и потешным через сто лет «Красным и белым».

Печатать, однако, Ольгу Николаевну приходилось регулярно. Выбрасывал других и ставил Варварину. Не читал — давно не читал, неинтересно, не ставил. Не мог отказать. Не только жена, но и имя.

Ольга Николаевна, правда, не оставалась в долгу. Сама она редко что-то редактировала, не любила черновую работу, но всюду у неё находились приятели и знакомые — от агентов до издателей, а рецензенты так просто готовы были расшибиться.

Когда-то с Ольгой Николаевной встретились они на книжной ярмарке в Нижнем. То есть и раньше были знакомы, но шапочно, пересекались изредка в цдл¹⁴, бывало, произносили несколько слов, и Юрий Матвеевич тайно (хотя разве можно скрыть такое от женщины?) пялил глаза на её красивые, стройные ноги. И ещё писатель Кротов хвастался, будто у него с Варвариной был недолгий, но бурный роман. Хотя, скорее, не роман, а трёхактовая интрижка. Мол, тот ещё темперамент. А тут — торжественный банкет, вино, стихи, проза, и Новиков, слегка пьяный, первым из писателей решился подсесть к знаменитости.

В тот вечер он был красноречив, как Цицерон, стихи, от Лорки до Гамзатова и от Фета до Юрия Кузнецова, как из дырявой кошёлки, сыпались из него — сказывалось литинститутское прошлое. Затем он перешёл на трагический Серебряный век — в самом деле трагический: кто расстрелян, кто с сумой, кого уморили, кто сам наложил на себя руки, только самые удачливые тихо умерли

на чужбине. Ольга Николаевна, раскрасневшаяся, растаявшая, поощрительно улыбалась, так что к концу вечера Новиков, не стеснясь, всё больше, всё сильнее обнимал знаменитую. Так, в обнимку, хмельные, они едва добрались до гостиницы.

Новиков вошёл к ней и торопливо стал расстегивать платье. Груды у неё оказались стоячие, красивые, с большими сосками. Новиков припал к ней, к своей Афродите, стал целовать, он изнемогал от желания, будто безусый юнец. И она, Ольга Николаевна, оказалась женщиной опытной, бывалой.

Позже Новиков ревновал её: и к бывшему мужу-олигарху, и к другим, — и всякий раз переживал, когда она ездила без него на разные фестивали и конференции. Воображал, да что воображал — знал буйный литературный народ. Сначала не умеренно пьют, говорят высокие слова, читают стихи, а потом... Любовь, вот что потом. Кто как, конечно. Но Ольга Николаевна не из смиренных. Одно слово — богема...

В тот раз было совершенно замечательно. Невообразимо, невозможно! «Сучка, сучка, — вспоминал он потом, и сердце начинало колотиться. — Сучка!» Но это — четверть века назад.

Она была умелая, жадная, баба что надо, так что к утру Новиков выдохся. Проснулся он поздно, с трудом разлепил глаза, опоздал к завтраку и едва не пропустил встречу с читателями. Да уж какая там встреча: Новиков был явно не в себе и нёс, что называется, пургу. В гостиницу он вернулся к обеду и, как сумасшедший, с воскресшими силами кинулся в номер к Варвариной. Но, увы, Ольга Николаевна оказалась не одна. Рядом с ней, на кровати, сидел писатель Сергиенко, совершенно бездарный, к тому же имевший нехорошую репутацию тусовщика и волокиты. Новиков хотел с ним подрасть, но тут увидел ещё двоих. Вся компания сидела с сигаретами и распивала коньяк. — А, Юрочка, — приветствовала Ольга Николаевна так, будто это не Новиков проснулся сегодня утром в её постели, и поощрительно улыбнулась. — Вы знакомы?

— Слегка, — сквозь зубы процедил Новиков. — Александр Васильевич, автор знаменитого «Государева преступника»?

Книгу эту Сергиенко написал много лет назад. В своё время он учинил громкий скандал из-за того, что его роман, по отзывам — весьма слабый, остался без премии, и с тех пор ничего не писал и не публиковал, но регулярно мелькал в разных литературных тусовках и всюду рассказывал, что вот-вот закончит нечто совершенно великое. Что, мол, раньше было нельзя, но он всё равно секретно собирал материал.

Но что мог делать этот пьяница, балабол и бабник в обществе Ольги Николаевны? С какой

14. цдл — Центральный Дом литераторов в Москве.

стать она терпела его? До конца фестиваля раздосадованный Юрий Матвеевич не отходил от Варвариной ни на шаг. Сергиенко тоже крутился где-то рядом, но, слава Богу, обошлось без драки, и предпочтение было оказано ему, Новикову, так что и вторая ночь была его, и третья тоже, и в Москву Новиков вернулся вымотанный до дна и отсыпался целые сутки.

С тех пор они периодически встречались в течение нескольких месяцев. Нельзя сказать, что их отношения сложились безоблачно; напротив, чем больше Новиков узнавал свою Венеру, тем больше колебался. Ольга Николаевна то приближала его, то намеренно отдаляла. У неё имела другая жизнь, закрытая от Новикова, она, вероятно, тоже испытывала немалые сомнения. С ней вовсе не было так комфортно, как с какой-нибудь молоденькой поэтессочкой, которая таяла от одной мысли, что перед ней главный редактор известного журнала и лауреат и что он может напечатать её стихи. Но с другой стороны, Варварина была известная писательница, при деньгах, и могла быть Новикову полезна, и — все эти девочки не стоили этой изощрённой блудницы в постели. Новиков догадывался уже: вовсе не золотым своим пером всплыла Варварина на самый верх. И всё её фарисейство, всё манерничанье, вся многозначительность — ну, нужно же было что-то выложить на стол. От этих мыслей Новиков испытывал нехорошую ревность, однако странно: ревность не отталкивала, а совсем наоборот. Он рвался стать победителем, взнудать эту дикую, хитрую, себялюбивую, так до конца и не объезженную кобылицу.

У Юрия Матвеевича, правда, бывали опасения, что он не справится с ней, что при случае, а случай всегда подвернётся, эта женщина наставит ему рога, но удивительно: это ещё сильнее притягивало к ней — в этом заключался спортивный азарт, а может, и что-то болезненное, гипосексуальное, мазохистское. Он утешал себя: «Все мы имеем право на свои извращения!»

Юрий Матвеевич сильно колебался, а решилось всё в один миг.

— Юра, — он почувствовал, что она волнуется, но взгляд её был испытующим, холодным, они оба едва отдышались после очередной близости, в изменении упав на подушки, — Юра, меня приглашают во Францию. Премия, очень даже престижная. Приглашают... с супругом. Я, конечно, могу одна, но... Тебе очень подойдёт фрак.

Дело было не во фраке и не во Франции. Новиков уже бывал у пожирателей лягушек, и не раз. Видел и Версаль, и Лувр, и замки Луары, и гулял по Елисейским полям, в первый раз возили ещё в советское время, и он, Новиков, писал потом подробный отчёт про себя и про других. Однако предложение было сделано, и нужно было

отвечать. А он, Новиков, вовсе не хотел Варварину обидеть. И тем более потерять.

Да, так, хотя странно: были любовниками, и он печатал её в своём журнале, и всё равно — Варварина. Оля, Олечка, Оленька — в минуты тепла, а про себя всё равно — Ольга Николаевна; что-то зациклилось в нём, какой-то рудиментарный механизм, уж очень давила авторитетом. Ей требовалось поклоняться, дарить цветы, требовалось восхищаться её писульками, признавать её гениальность. Рифейская Жорж Санд. Хотя он, Юрий Матвеевич, был на голову выше. В одну минуту мог расчеркать любой её текст.

Характер у Варвариной был трудный. Нарцисс в юбке. Всю молодость терпела, ждала, плакала. Тихий ангел. Как кошечка, прятала до времени коготки. И вовсе не пером, не талантом... Но сучкой оставалась манящей и в свои пятьдесят. Знала, что ещё недолго. Умна. Недаром вокруг неё всегда вились мужчины. И олигарх Катин, бывший её — кто? Муж, любовник, содержатель, партнёр? Ё-арь? Разошлись, а всё ещё облизывался. Гарем развёл, а с Варвариной в дружбе. Новиков никогда их не ловил, да и не мог бы, но что-то по-прежнему между ними было. Новиков видел его вблизи: мужчина как мужчина, длинношей, как жираф, только взгляд холодный, жестокий. Так богатые смотрят на бедных, успешные — на неудачников. И этот, Сергиенко, тоже крутился вокруг неё. И другие. Как мухи на мёд.

В Париже всё было замечательно. Белые сорочки, фраки, речи, застолья, на книжной выставке очередь к Варвариной. «Да что ж она такое?» Новиков никак не мог взять в толк. Пишет бездарно, а... Ну точно, всё точно про голого короля. Читателю можно всучить. Читатель купит и поставит на полку.

Главное, он, Новиков, стоял и улыбался.

В Париже первая кошка пробежала. Хотя нет, наверное, раньше.

— Я вижу, Юра, ты не рад за меня?

— Рад, — сказал он через силу и попытался улыбнуться. — Скромный муж великой жены.

— Нет, не рад. — Варварина серьёзно обиделась.

А между тем никогда не прочла ни один его рассказ, ни роман, тот самый, что Новиков много раз начинал и бросал. Тот самый, про Серебряный век, который собирал буквально по крупицам. Правда, и он никогда не читал её отрывки. Разве лишь однажды, в самом начале. И увидел: ей неинтересно.

— Ты пишешь про Гумилёва, а думаешь про себя.

«Вот язва так язва». Больше он читать ей не пытался.

Сам Новиков Варварину читал редко и с двойственным чувством: неглупа, продвинута, но о чём? Для чего? Её бабья проза казалась Новикову искусственной и холодной. Настоящей.

Придуманной. Литературный фианит по цене изумруда. Неужели критика не видит? Хотя уж кто-то, а он-то знал: критики не существует больше. Существует обслуга. Коррупция не только в правительстве.

Они съехались. Это был настоящий марафон, многолетний, многотрудный. До того у Варвариной имелась двухкомнатка-малогабаритка, на большее олигарх не расщедрился. Съехались, сделали ремонт, расставили новую-старую мебель, книжные тома и — поняли, что чужие. Не оставалось ни сил, ни денег, и жалко стало трудов. Да и куда, зачем? С тех пор Новиков обитал в роскошном своём кабинете, а Ольга Николаевна облюбовала спальню с антикварным столом, за которым, по утверждению прокваша, сам Евгений Боратынский писал свои поэмы. Развесили на стенах мрачноватые картины передвижников. И только по понедельникам и пятницам...

В остальные дни они встречались только на кухне и в огромной, с мебелью в стиле Людовика, гостиной-столовой, захламлённой шкапами, книгами и старыми вещами, выбросить которые было некогда и жалко. Книгами, которые они никогда не прочтут, а хранить больше негде. В молодости, в другой ещё жизни, Новиков, как и множество иных людей, коллекционировал книги, благо стоили они копейки. У него, как у члена Союза, имелся доступ к писательской лавке на Кузнецком мосту, и он без особого разбора покупал всё подряд. Юрий Матвеевич в некотором роде немалую часть жизни прожил при коммунизме: писательская книжная лавка, писательская поликлиника, дома отдыха писателей, писательские наборы с колбасой и икрой — отдельно по будням и к праздникам. Как-то на исходе той жизни Юрий Матвеевич получил даже пропуск в ателье цк. И если бы не рухнуло всё, Новикову положено было в конце пути место на Новодевичьем кладбище. В крайнем случае — на Ваганьковском.

Но то — раньше. Сейчас же они с Ольгой Николаевной жили, можно сказать, в коммунальной квартире, где волей-неволей наблюдали друг за другом, как в стеклянном «Доме-2».

Новиков в этой жизни так и не обзавёлся детьми, суетливые годы пролетели мимо. У Варвариной же имелась дочь, появившаяся на свет в городе царевубийства в те далёкие дни, которые для Новикова навсегда остались тайной. Он сумел только выпытать, что в это гиблое время Варварина тихо прозябала в нищем издательстве, безнадежно пыталась печататься и думать не думала о Москве. Как полагал Новиков, была одной из тех девочек, которым несть числа в искусстве — от литературы до балета, которые, словно бабочки, порхают из рук в руки профессиональных ловцов. Что Ольга Николаевна тоже — он не сомневался: её соблазнил махровый критик, известный непримиримостью

к противникам соцреализма. Она, правда, отрицала — утверждала, что будто бы это любовь. Но скоро всё закончилось трагическим разрывом.

Что происходило потом, Ольга Николаевна не делилась с Новиковым никогда, десять лет её рифейско-московской жизни словно поглотила чёрная дыра, длинное многоточие, где неотчётливо грезились литературные романы с литературными же генералами, и лишь в самом конце многоточия чудесным образом материализовались олигарх Катин и финансово близкая к нему издательница Маша Шуткина, молодящаяся, очень влиятельная дама в чёрных очках и в чёрных же перчатках без пальцев.

Новиков знал только, что дочку Ольги Николаевны Настеньку вырастила бабушка вдали от тогда ещё не знаменитой мамы. И что, закончив институт, очень далёкий от литературы — о родительской стезе обиженная Настенька и слышать не хотела, — Настенька, не попрощавшись с матерью, сбежала в Америку и вышла замуж за миллионера.

«Как Екатерина Первая, — мнилось иногда Новикову, когда он размышлял о супруге. — Так же из рук в руки... И стала императрицей... А тут после олигарха Катина настоящая литературная богиня. А ведь и Крым, и рым — через всё прошла».

В самом деле, Катин всё умел превращать в золото, как ослухий Мидас¹⁵. А ведь сам когда-то неудачливый режиссёришка, бомбила¹⁶, катала¹⁷, авторитет, как писали про него в Интернете, но, опять же, — богема! Новорусский Мамонтов¹⁸. Любил и покровительствовал артистам. В новое время он перебесился и вырос на обмене и обналчке, а в приватизацию задёшево скупил активы.

И насчёт махрового критика Новиков навёл справки. К тому времени бывший сердцеед уже лет десять как умер. Рассказывали, что порядочная сволочь, выслуживался, на том и сделал карьеру. И насчёт Синявского с Даниэлем, и насчёт Солженицына, и даже Любимова и Нуреева — про всех писал и ничего, в перестройку перестроился и стал очень даже прогрессивным.

...К семидесяти он устал, Новиков, устал. Усталость накапливалась долго, давно, но вот как-то сразу... Тело ещё оставалось крепким, но душа... Жизнь, можно сказать, прожита зря — пустая
.....

15. Согласно греческой мифологии, фригийский царь Мидас прославился тем, что всё мог превращать в золото, а также ослиными ушами.

16. Бомбила — частный таксист, который не платит налоги.

17. Катала — карточный шулер (уголовный жаргон).

18. *Савва Мамонтов* (1841–1918) — известный русский предприниматель, железнодорожный магнат и одновременно крупный меценат, организатор и владелец частного театра.

жизнь, ничего после него не останется. И Ольга Николаевна не та, чужая, всегда была чужая. И сил нет разойтись, да и незачем...

Вчера только уехала в Германию выступать. Не попрощались, как чужие...

Но если подумать, то и сказать-то ей нечего. Эгоцентрична, только о себе и говорит. Но и ему, Новикову, нечего. Всё оказалось не то. Всё, что происходило после Литинститута. И писал—не то, так ведь и не дали бы написать то. Но и не знал, не умел. Вот Лиля, она знала. Тут не как писать—главное, это многие умеют—излагать свои маленькие мысли. Тут ведь—что писать. Вот что важно—о чём, что ты есть сам.

Всё промелькнуло, очень быстро промелькнуло. А роман не дописан. И сил нет. И вдохновения нет. И читателей нет. Люди перестали читать. А зачем? Кто такие писатели, чтобы поучать? Литература—жалкое подобие жизни...

Из пены сирени рождается лето,
из первого слова—строка...

Юрий Матвеевич оторопело посмотрел на бумагу. Это Эльмира Антоновна постаралась. Подсунула. Старая дева терпеливо читала всё. И иногда находила бриллианты—из сора, из почты, из самодёка.

Новые, молодые её не заменят. Им скучно это всё. У них нет этого адского терпения. Этой любви...

А стихи хороши. Кто она, эта незнакомка из Сызрани? Молода? Красива? Печаталась? Что она слышала о нём, Новикове, в своей тихой провинции? Быть может, он для неё бог? Может, она думает, что в Москве живут боги? Гении? Что в Москве нет ни интриг, ни сплетен, что там особенные люди? И он, Новиков, особенный, что к нему ничего не пристало? Не слышала здешних шепотков?

Новикову хотелось, чтобы она была красива. Чтобы не замужем. Чтобы...

Он знал, что всё это глупо, что всё—поздно, что ничего из этого не выйдет, что он не избавится от Варвариной, но... Он не мог запретить себе мечтать.

...Начать всё сначала. Пусть он недостоин, пусть стар, пусть совсем не хороший человек. Грешен. Хотя другие разве лучше?..

Всё заново. Всё с чистого листа. Новикову непременно захотелось её увидеть...

Больше ничего. Увидеть.

Такие стихи!

Следовательно, душа у неё нежная, тонкая, поэтическая. Это вам не камни, фарцовщики, битники, хипстеры... Не брутальная проза Ольги Николаевны.

Возвышенная натура. Быть может, одинокая. Как он, Новиков.

— Будем печатать,—распорядился Юрий Матвеевич и, чего никогда не делал, сам написал незнакомке:

«Ваши стихи произвели огромное впечатление. Должен сознаться, я давно не испытывал ничего подобного. Планируем напечатать их в ближайшем номере. Просьба срочно прислать Вашу фотографию и Вашу краткую литературную биографию. И, если можете, пришлите ещё стихи».

Юрию Матвеевичу хотелось узнать о ней как можно больше, прежде всего—замужем ли она и сколько ей лет; он долго сидел над письмом, но спрашивать напрямую казалось неприлично, и он не решился. И само письмо получилось слишком деловое, сдержанное. Он хотел бы написать совсем иначе, но не знал как.

Ответ пришёл на следующий день. Удивительно, но всё это время Юрий Матвеевич, чего никогда с ним не случалось, испытывал сильное волнение, он, словно мальчишка, ждал её ответ, мечтал о ней и сам же смеялся над собой. И опять-таки сам же и поставил себе диагноз: влюблён. Но вовсе не так, как влюбляются мальчишки, бескорыстно и бездумно. Он влюблён был от одиночества, от неустроенности собственной жизни, оттого, что до сих пор жил не так, как бы ему теперь хотелось. Оттого, что Ольга Николаевна не любит его, да и не любила, она вообще не умеет любить, и он тоже не любит её. Когда-то был секс, но давно кончился.

Вот прожил жизнь, а—никого. Многие из окружающих зависят от него, он окружён уважением и почётом, казалось бы, всё у него в порядке, известный литератор, а... Если посмотреть правде в глаза—не нужен никому. Умрёт—и на следующий день забудут.

Юлия Савченко—так звали поэтессу из Сызрани—прислала, как просил Новиков, фото и биографию. И ещё письмо. Очень вежливо благодарила и обещала прислать новые стихи. И не только стихи, но ещё и эссе о ныне здравствующих и ушедших поэтах. Одно эссе—про Фета—она вложила отдельным файлом. Новиков прочёл и был потрясён: Фет и Мария Лазич, смерть девушки, страдание и несчастная, безвыходная, трагическая любовь—он, конечно, всё это знал, но как она написала!..

Чуть успокоившись, Новиков почувствовал лёгкую досаду за её романтический взгляд. Фет—вне критики, святой? Сентиментальный, рассудочный немец. Немецкая кровь. Довёл девушку до самоубийства и пишет. Страдает. «А сам, сам?—Новиков почувствовал отвращение к себе.—Тоже немец?»

Одно было очевидно: что Юлия не простая провинциалка, не просто стихи пишет, как другие. Однако её не слишком печатают. И что в провинции она страдает от невостребованности. «Проблема небольших городов—там нет места большому

таланту. Оттуда бежать нужно», — Новиков не знал, должен ли он радоваться или печалиться.

Но главное — фото. Юлия оказалась красивой. С золотыми кудрями, с голубыми глазами, с чуть вздёрнутым носиком. Тонкие наманикюренные пальцы держали микрофон. Так хороша, что Новиков почувствовал стеснение в сердце. Услышал голос: чистое серебро. Представил, как она читает. На фото ей лет тридцать пять — сорок. А может, меньше. Но... Это могло быть старое фото.

Из биографии Новиков выяснил, что она журналистка и автор четырнадцати книг. Наверное, не очень молодая.

«Чего ты хочешь, Юра?» — спросил он себя. — «Чтобы ей было двадцать лет? Или двадцать пять?»

Нет, двадцать лет было бы слишком. Он не мог представить, что делать с двадцатилетней. Тем более сейчас они совсем другие. Прагматичные. А он не олигарх...

Лет сорок-пятьдесят или чуть больше — было б идеально для него. В балзаковском возрасте женщины в самом соку. Уже без предрассудков...

Про мужа она не упомянула. Да и с какой стати? Юрий Матвеевич залез в Интернет и долго искал — с Интернетом он был на «вы». Наконец, нашёл Юлию Савченко. Среди Савченко с именем Юлия имелось аж три поэтессы, но свою Новиков узнал сразу!

Любовь — не когда прожигает огонь,
когда проживают подолгу вдвоём,
когда унимается то, что трясло,
когда понимаешь всё с полусло...

Любовь — когда тапочки, чай и очки,
когда близко-близко родные зрочки,
когда не срывают одежду, не крадут —
во сне укрывают теплей от простуд.

Когда замечаешь: белеет висок,
когда оставляешь получше кусок,
когда не стенанья, не розы к ногам,
а ловишь дыханье в ночи по губам.

Любовь — когда нету ни дня, чтобы врозь,
когда прорастаешь друг в друга насквозь,
когда словно слиты в один монолит,
и больно, когда у другого болит.

Сомнений у Новикова почти не оставалось. Едва ли такое можно придумать! Он почувствовал зависть, потому что у него никогда ничего подобного не было. Были женщины, много, а — не было...

Но ведь такая не изменит, не уйдёт от мужа, не кинется на шею другому оттого, что он главный редактор. Тем более бездумно. Ни за какие коврижки. Она, может, и в своей Сызрани сидит из-за мужа. Она не уедет в Москву, будет охранять своё гнездышко. Своего...

Но кто же он, этот счастливец?

Счастливец? Однако:

Твой бедный разум, не подвластный фразам,
напоминает жаркий и бессвязный
тот бред, что ты шептал мне по ночам,
когда мы были молоды, безумны
и страсти огнедышащий Везувий
объяты наши грешные венчал.

Во мне ты видишь маму или дочку,
и каждый день — подарок и отсрочка,
но мы теперь — навеки визави,
я не уйду, я буду близко, тесно,
я дочь твоя, и мать, сестра, невеста,
зови как хочешь, лишь зови, зови.

О ком это она, о муже? Новиков не решился спросить. Он знал: всё со временем разъяснится.

В конце года, то есть всего через пару месяцев, лучшие авторы журнала выступали на радио, и Юрий Матвеевич пригласил Юлию в Москву. Сам. Лично. Он жаждал её увидеть! Услышать! Новикову плохо было одному...

В это самое время у Ольги Николаевны вышла новая книга, и на книжной выставке её торжественно презентовали. Во главе стола сидела сама Шуткина, в неизменных чёрных очках и в чёрных, без пальцев, перчатках. Новиков обязан был присутствовать, но — один, один... Верно говорят, что одиночество особенно тяжело на людях. Между тем Юрий Матвеевич тихо начинал ненавидеть Шуткину: от неё зависело напечатать новиковские рассказы и тем самым пропустить Новикова в классики.

Ольга Николаевна радовалась, как девочка. Новиков читал это по её глазам. На сей раз это был исторический роман из рифейской старины, в котором правды содержалось не больше, чем золота в медных монетах, — Варварина терпеть не могла рыться в архивах. Но какое это имело значение? Кому нужна правда? Намного важнее казалось то, что Варварина снова замахивалась на премию, тем более что Маша Шуткина выступала одним из главных учредителей этой самой премии.

С Машей у Новикова имелись свои счёты: когда-то — тогда он не был ещё главным редактором — Новиков помог ей напечататься в журнале. Но Маша Шуткина оказалась на редкость неблагодарной. Вот и на сей раз слукавила старая карга: сама подошла к Новикову — неудобно было не подойти — и протянула руку в перчатке с гольими костлявыми пальцами.

— Значит, Юрий Матвеевич, печатаетесь у конкурентов?

Новикову неудобно показалось её уличить. Много лет, пока всерьёз не обиделся, искал он подступы к этой шапоклёк. От отчаянья, было дело, даже письмо написал, но она не ответила. Вдвойне обидно: Ольга Николаевна то ли не смогла,

то ли не захотела ничего сделать. Ларчик между тем открывался просто: стихи Шуткиной, которые Новиков протолкнул, были, как она сама, бесцветные и сухие, словно осенняя трава, настолько, что неподкупная Эльмира Антоновна после этого не здоровалась с Юрием Матвеевичем целый год. Так вот, как-то в лёгком подпитии Новиков ляпнул об этом с юморком, и доброхоты тотчас же донесли. С тех пор Шуткина много лет демонстративно держала дистанцию. Она и сейчас наверняка только делала вид. Маша Шуткина никогда ничего не забывала.

На выставке Новиков особенно почувствовал своё одиночество. К нему подходили, жали руки, с ним заговаривали, даже заискивали, особенно молодые, малознакомые, но он как никогда остро чувствовал фальшь...

А в этой, из Сызрани, Юлии, в ней издали ощущалась чистота. Редкая в наше время искренность, неспорченность. Она вдалеке от всяких столичных дрызг. От сплетен. Она — другая, из другого теста. Такая не обманет, не станет лгать. В её стихах не ощущается притворства. Новиков уверен был, что не ошибся, к своим семидесяти он считал себя душеведом.

Увы, Юлия не смогла приехать в Москву. Написала, что давно не выезжает из-за мужа. Муж её, Дмитрий, в прошлом журналист и писатель, написал несколько очень неплохих книг, но он давно страдал гипертонией, и из-за скандала в областной организации (всё из-за денег, как всегда, в этот раз у писателей украли гранты) у него случился инсульт. С тех пор Дмитрий лежит дома, у него повышенное внутричерепное давление, нарушения психики, он ничего не помнит и едва, только с её помощью, передвигается по квартире. Юлии одной приходится смотреть за мужем, лишь изредка помогает сестра Дмитрия, но она работает, и у неё семья, дети и внуки, а оставить Диму одного надолго нельзя. Он всякий раз падает, и он такой тяжёлый, что она не может его поднять. Приходится вызывать то МЧС, то скорую помощь. Врачи вначале назначали инъекции, но Диме лучше не становилось, наоборот, всё хуже и хуже, и Юлия уже шесть лет никуда не ездит.

За последние годы ей присудили несколько премий, сообщала Юлия, и она ведёт блог — читателей не очень много, большую часть времени приходится посвящать мужу, пишет она больше по ночам. И даже получить премии не может, хотя её везде зовут. И денег совсем нет, хорошо хоть, что она стала получать пенсию, и очень благодарна, что публикацию в журнале ей оплатили, но всё равно всё уходит на лекарства. Какие-то лекарства мужу дают бесплатно, но это не совсем те, которые нужны. Так что, увы, приехать она не сможет, просит её простить, хотя очень бы хотелось выступить по радио. Ей очень неудобно,

что он, известный столичный писатель и главный редактор, её приглашает, а она никак не может приехать и, наверное, долго ещё не сможет. И что она, Юлия, прочла последнюю книгу рассказов Новикова, и книга ей очень понравилась, и что она с нетерпением ждёт его роман про Серебряный век, о котором он говорил в своём недавнем интервью.

Письмо было длинное, Юлии требовалось выговориться, очень может быть, что у неё никого не было близких, кому можно уткнуться в грудь и порыдать, — и вот он, Новиков. Две одиноких души. Она ведь со своей сверхъестественной проницаемостью уловила его одиночество — в его рассказах. Ни один критик не заметил, все писали о другом, а она...

Но Юлия, судя по всему, очень любила своего мужа. Или — раньше любила? Пишет в стихах, что штопала ему носки. Кто штопает сейчас носки? Это ведь какая бедность, это только в Советском Союзе штопали... Что моет его и ухаживает за ним, может быть, кормит с ложечки. Но любить? Да можно ли любить такого глубокого инвалида? Или только жалеет? Ностальгия по прошлому?

В сущности, это всё не так важно. Не о нём, Новикове, думает сейчас Юлия. Он угадывал это по отдельным деталям, словам и очень огорчался. Между ними было несколько очень хороших писем: о поэзии, о литературе, о людях. Юлия постепенно открывалась — всего лишь несколько тёплых писем, не больше...

Юрий Матвеевич попытался представить, что произойдёт, если, не дай Бог, такое случится с ним. Что станет делать Ольга Николаевна? Наймёт сиделку? Отправит в больницу или в дом престарелых? Слава Богу, в последнее время появились очень приличные дома престарелых для богатых. Но разве они с Ольгой Николаевной богатые? Даже Ольга Николаевна — при всей своей знаменитости. Новиков не знал, сколько у неё денег. По его расчётам выходило, что не так уж много. Разве что ей подкидывал олигарх Катин. Зато знал, что Ольга Николаевна тарелку лишний раз не помоеет. А уж он, главный редактор, — почти нищий. Оттого в литературе чудовищная коррупция. Всё продаётся и все продаются — за очень небольшие деньги. Книги писать — это вам не в банке работать. Это раньше, в советское время, писатели жили как при коммунизме. Продавали душу и жили припеваючи. И вот — итог...

Нет, лучше обо всём этом было не думать.

Новиков написал ответное письмо Юлии:

«Дорогая, милая Юлия! Я потрясён тем, что Вы мне сообщили. Увы, наша жизнь очень плохо устроена, бездумно, будто ничего с нами не может произойти. Все мы похожи на страусов, прячущих головы в песок, и если всё же происходит, мы оказываемся беззащитными перед судьбой. Наша

медицина не приспособлена к тяжёлым болезням, к уходу. Всё ложится на рядовых граждан.

Я восторгаюсь Вами, Вашим мужеством и Вашей преданностью. Может быть, а чем-то смогу Вам помочь? Прислать денег? Помочь с врачами, хотя не знаю как? Сызрань небольшой город, и медицина у вас наверняка не самая лучшая. Вы всегда можете рассчитывать на меня.

Всё же, несмотря ни на что, мне очень хочется Вас увидеть. Говорить с Вами. Слушать Ваши стихи. Они такие тёплые, добрые. И талантливые. Возможно, Вы всё-таки смогли бы на день-другой вырваться? Я мог бы устроить Вам встречу с читателями или выступление на радио.

И ещё: можно мне звать Вас просто Юля? Не Юлия, хотя звучит это очень красиво, а—Юля? И—на „ты“?

Ваш (до разрешения) Юрий».

Ответное письмо пришло в тот же день. Юлия разрешала обращаться на «ты» и сама впервые написала Новикову «ты». Благодарила его за тёплое письмо, но от денег и от помощи отказывалась. У неё всё есть. Они с Дмитрием всегда жили скромно и в прошлой жизни отложили немного денег. Муж заведовал большим клубом, где выступали многие известные артисты. Правда, в девятые годы они, как и большинство, все свои сбережения потеряли, но потом дела пошли лучше.

Но, самое главное, Юлия написала, что тоже хотела бы его, Новикова, видеть, только не сейчас, сейчас она никак не может, но когда-нибудь потом. И ещё желала ему побыстрее закончить замечательный роман про Серебряный век. Она, Юлия, когда-то очень увлекалась поэтами Серебряного века, да и сейчас их очень любит. «Когда мне грустно и плохо, они приходят ко мне на помощь»,—написала она. И сообщила, что в разное время написала о гениях Серебряного века несколько эссе: о Мережковском и Гиппиус, о Николае Гумилёве, о Мандельштаме и Блоке,—и что давно собирается писать о Ходасевиче.

«Серебряный век в действительности—несколько десятилетий, последних, трагических, накануне и во время катастрофы, когда прежний мир рухнул, а новый, жестокий, плебейский, родился в крови и во зле. Поэты, как самые чувствительные, ощутили приближение катастрофы раньше всех и все, почти все погибли, как погибают бабочки и стрекозы с наступлением холодов. Гумилёв, Мандельштам, Блок, Есенин, Цветаева, даже Маяковский—ни один из них не умер собственной, естественной смертью, не дожил до преклонных лет. Но и судьбы тех, кто не наложил на себя руки, не сошёл с ума, не спился и не был убит—Ахматовой, Мережковского, Гиппиус, Пастернака, Мариенгофа, Ходасевича—оказались почти столь же трагическими: до конца жизни им предстояла эмиграция, внутренняя или внешняя. Новый мир

не принял поэтов Серебряного века, и они, за малым исключением, не приняли этот новый мир, построенный на обмане и крови, мир иллюзорных надежд»,—написала Юлия. А Новиков поразился совпадению их мыслей и чувств. Именно так, почти теми же словами, собирался он завершить свою незаконченную книгу.

Одно эссе, о Гумилёве, Юлия вложила в электронный файл—и снова Новиков был восхищён. И тем, как Юлия рассказывала о жизни поэта, так, будто прожила её где-то рядом: об африканских путешествиях Гумилёва, о любви и расставании с Ахматовой, о несуществующем, выдуманном заговоре Таганцева,—и тем, как глубоко и точно цитировала его стихи. Как ни странно, для Новикова это стало открытием: он очень неплохо знал биографию Гумилёва, в своё время в Литинституте он написал работу по имажинизму, но вот стихи поэта он знал мало, да и то, что знал когда-то, помнил уже плохо. Но, пожалуй, не меньше, чем стихи Гумилёва, поразило Новикова Юлино знание эпохи: умерший век оживал во множестве ярких, противоречивых деталей, обретал плоть, агонизировал, жизнь словно подходила к обрыву... «Безумству храбрых поём мы песню»¹⁹—«безумство храбрых» оборачивалось кровью, насилием, ужасом, махновскими тачанками и будённовскими погромами...

Будь Юлия решительней и амбициозней, она могла бы стать замечательной романисткой, намного талантливее Варвариной. Но куда бы она понесла свои сочинения в маленькой Сызрани? А если бы понесла, кто бы стал их читать? В его собственном журнале в советское время работали двенадцать ридеров и ещё очень грамотные люди на непостоянной основе, совместители, а сейчас на прозе оставался один верный старый Руслан, и непонятно было, кем его заменить, когда он уйдёт.

Новиков сразу же опубликовал Юлино эссе в своём журнале. Ему очень хотелось сделать ей приятное. И снова написал ей—и что он в полном восторге, что было сущей правдой, и что по-прежнему мечтает встретиться с ней.

Ждать ответа на сей раз пришлось несколько дней, и Новиков совершенно извёлся. Стал бояться, что Юлия не ответит. Ведь могла же она что-то почувствовать. Он, пожалуй, написал слишком смело, нетерпение сердца его подвело.

Юрий Матвеевич вынужден был признать: влюбился, как школьник. Давно и безнадёжно, глупо. Влюбился не в живую женщину—он никогда не видел Юлию,—влюбился в фотографию Бог знает какого года, в женщину неизвестного возраста. Сколько ей—пятьдесят пять? Шестьдесят? Больше? Он знал только, что она была красива. А сейчас? Сохранилась красота или, как осенние

19. Цитата из М. Горького.

листья, облетела? Одно только он знал твёрдо: она образованна и талантлива, и у неё очень тонкая душа. И ещё, главное, Юрию Матвеевичу интересно было с ней.

«А может, она всё поняла, догадалась и теперь вьёт из меня верёвки?»—Юрий Матвеевич был от природы недоверчив, да и жизненный опыт не усиливал его доверие к людям. «Нет, нет, не может быть, в этот раз я не мог ошибиться. Юля—чистая душа»,—стал он успокаивать себя.

«Ну и пусть,—решил он через минуту.—На всё Божья воля». В самом деле, от него ничего не зависело. Он решил покориться.

В новом письме, которое пришло через несколько дней, Юля снова прислала эссе, в этот раз о Мандельштаме, и трогательно написала, что «поэты умирают, поэтов убивают, но поэзия бессмертна». И коротко приписала, что очень хочет с ним встретиться, но что это невозможно.

«Пока невозможно»,—добавила она и объяснила, почему целых несколько дней не отвечала. Оказалось, что муж её упал на пол, и у него не было сил подняться, и она не могла его поднять, он очень тяжёлый. Пришлось вызывать МЧС. И все последующие дни Юля сидела возле него, боялась, что он простудится и заболит или снова упадёт с кровати.

Новиков окончательно потерял голову. С одной стороны, он понимал, что всё в их отношениях безнадежно и что нет никакого выхода, но с другой—странное нетерпение овладело им и заставляло несбыточно надеяться. Её муж, Дмитрий, которому Юля отдавала силы, мог умереть, но, с другой стороны, мог умереть и он, Новиков. Их обоих, мнилось ему, в недалёкой перспективе дождался Харон. Только Юля обязана была жить, без неё не сможет жить Дмитрий. Как ни странно, в этих своих расчётах Новиков совершенно игнорировал Ольгу Николаевну, хотя именно от неё зависело немало.

Новиков, конечно, этими мыслями не делился, хотя каждый день писал Юле письма и она отвечала ему. Но в письмах они не касались быта и не обсуждали свои отношения. Писали о литературе, об искусстве, про Серебряный век, о путешествиях—очень скоро Новиков выяснил, что на самом деле Юля мало где бывала. В советское время не выпускали за границу, а потом, в девяностые, шла борьба за существование и не до того было. Тысячи интеллигентных людей, образованных, тех самых, что выступали за перемены и поддерживали демократов, оказались на мели. Увы, и Юля с мужем стали одними из этих людей. По интеллекту, по знаниям, по таланту они заслуживали много большего. Юлин муж Дмитрий написал целых две диссертации, но, увы, не для себя. Для новых русских. Настоящие интеллигенты редко бывают практичными...

Под влиянием Юли Новиков только сейчас задумался, сколь скудна и несправедлива российская жизнь, особенно в небольших городах. Среди Юлиных друзей присутствовало несколько писателей и поэтов. Это были странные люди, не от мира сего, Новиков постепенно с ними познакомился и, с Юлиной руки, начал печатать, однако они буквально прозябали в провинции, существовали в полной нищете. Один из них, особенно талантливый, работал, как Платонов, дворником, другой, по старой диссидентской привычке, служил истопником.

«Да стоит ли таких жертв литература?»—возмутился Новиков.—И ведь кто их гнобит? Люди бездарные, серые...» Он сам, Новиков, на их месте давно бы бросил писать, сбежал бы хоть на край света, как сбежал в своё время Довлатов.

Уж Новиков-то знал, что и здесь, в Москве, литература—полоса почти непреодолимых препятствий. Зона особенного неблагоприятствования. Что и здесь—круговая порука. И что вовсе не талант, совсем не талант, что-то совсем другое определяет писательскую судьбу.

Новиков давно удивлялся: отчего тысячи людей продолжают писать? Зачем, кому это нужно? Просто выразить себя? Или, как мулы, мечтают о славе? Но эти люди элементарно не понимают механику, не представляют, как устроена литература. Увы, беда заключалась в том, что и он, Новиков, всё меньше представлял.

В действительности Новиков не знал, что делать дальше. Конечно, Юля красива и талантлива—Бог всем наградила её, кроме детей,—Юрию Матвеевичу очень интересно было с ней, много лет уже не было у него настоящего собеседника, а тут в каждом письме открывалось новое, тёплое, близкое, он словно заряжался от Юли и сам становился лучше, она разгоняла его хандру. Это был настоящий роман, пусть заочный, платонический, но—роман; сердца их бились в унисон, в каждом слове душевная близость и—страсть? Страсть они тщательно скрывали, не позволяли себе ни единого слова, но—страсть всё равно прорывалась: в невинном «целую», «обнимаю», «с теплом». Слова приобретали тайный смысл, всё было совсем не то, что с Варвариной. С Ольгой Николаевной всё давно было выговорено дотла, и много лет им было пусто и неинтересно друг с другом. Они и закрывались по своим комнатам, и разбегались давно отдельно, и только по понедельникам и пятницам... И то всё реже. В последнее время Юрий Матвеевич старался уклоняться от ночных встреч, и Ольга Николаевна отвечала Новикову тем же. Даже в Америку к дочке, когда, наконец, дождалась приглашения, Варварина ездила одна.

Новиков упорно мечтал о встрече. Его неотвязно влекло к Юле. И в то же время он боялся разочароваться: все фотографии, которые Юрий

Матвеевич нашёл в Интернете, наверняка были старые, скорее всего, двадцатилетней давности, а может, и больше. Новые фото Юля тщательно скрывала. Она, словно великая актриса, жила в своём волшебном замке из грёз, в прошлом, в поэзии, в литературе, так что Новиков не мог разобраться: какую Юлю он любит — прежнюю или нынешнюю? Реальную или сотканную из мечты?

Новиков знал только, что Юля вышла на пенсию. Но когда? Он не мог у неё спросить.

Вообще, всё было непонятно. Что делать с её мужем? К чести Новикова, он тотчас одёргивал себя: Юля мужа никогда не оставит, да и думать об этом грешно. «Не думать», — велел он себе. Но если бы вдруг им удалось соединиться, где бы они стали жить? Уехать в Сызрань? Бросить журнал? Но в Сызрани, наверное, и врачей приличных нет, а он, Новиков, разменял восьмой десяток. Здоровье начинало шалить, необходимо было думать о будущем. И знакомых в Сызрани у него нет. Переехать в Сызрань — это всё равно что поселиться на необитаемом острове.

Перевезти Юлю в Москву? Но куда? Поселиться с Ольгой Николаевной? Но Юля никогда не согласится. А про Ольгу Николаевну не стоило и мечтать. Делить квартиру? Но это на годы, быстрее и легче умереть. Это в советское время главному редактору дали бы квартиру: номенклатура. Правда, без скандала бы не обошлось, выговор по партийной линии был обеспечен. Ну да Бог с ним, с выговором, всё равно разводились и женились на молодых, на секретаршах. Но то — в советское время, а сейчас он никому не нужен.

Новиков не знал, что делать, но всё равно он хотел её увидеть!

Да, старость — несчастливая вещь. Горькая. Сам Лев Толстой был вынужден бежать из дома — из-за завещания. А уж король Лир... А что король Лир? Взбалмошный старик, полусумасшедший...

Но он хотел видеть Юлю. Что толкало его? Любовь? Одиночество? Новиков не знал что...

Он придумал поездку в Самару. Там Новиков должен был выступить на конференции. А уж из Самары рукой подать...

В Сызрань Новиков приехал поздно вечером. Остановился в гостинице. «Ещё не поздно», — подумал он. Ещё можно было бежать. В самом деле, чего он ждёт, чего он хочет? Разве не знает, что это невозможно? Что — авантюра? Так с ним случалось иногда. Как-то в молодости он собирался прыгнуть с парашютом, но в последний момент силы оставили его...

Новикову не спалось. Завтра... Нет, уже сегодня... Задремал он только перед рассветом. Проснулся поздно, усталый от сновидений, разбитый, с трудом пришёл в себя, долго не мог решиться,

но наконец, сделав над собой усилие, позвонил. И тотчас почувствовал глухие, неровные удары сердца, оно чуть не выскакивало из груди, голос предательски дрожал. Но Юля будто ждала его. Она сразу засуетилась, всплеснула руками — Новиков очень явственно это представил.

— Ты? Здесь? Я будто чувствовала. Не могла спать. Я вообще сплю очень мало. Но я не могу пригласить домой. У меня не убрано. И я не в порядке. И — Дима, он не привык к чужим, — голос у неё был растерянный, прерывистый, она будто задыхалась. Совсем не тот голос, что в «Ютубе».

— Нет, нет, не надо к тебе, — испугался Новиков. — Давай лучше посидим в кафе.

— Только мне нужно привести в порядок мужа, — сказала она. — И себя тоже. Я ужасно выгляжу сегодня. Почему ты... — она, наверное, хотела сказать «не предупредил», но передумала. — Зачем ты? Где ты остановился?

— В гостинице.

— Ах да, ты, кажется, говорил. Я никак не смогу раньше двух. Я должна вызвать Димину сестру. — Я подожду.

Новиков почувствовал облегчение, но тотчас вслед за этим что-то больно кольнуло его. Что дальше, если она на несколько часов не может оставить мужа? Совершеннейшая авантюра. А чего он, собственно, ждал? Да, чего?

— Я подожду, — повторил Новиков.

В два часа, как и договорились, они встретились у дома купца Стерлядкина, одной из главных достопримечательностей города. Юля по-прежнему была красива, совсем как на фотографиях. Милые, мягкие, интеллигентные черты. Морщинки — но что такое морщинки? Причёска, маникюр — Новиков догадался, что ради него Юля только что сходила в парикмахерскую. Одета, правда, скромно. Платье то самое, в котором снялась на концерте много лет назад. Но, значит, с тех пор не поправилась.

— Давай прогуляемся по городу, — предложил Новиков. — А потом зайдём в ресторан, пообедаем.

— Хорошо, — покорно согласилась Юля. — Я очень много лет не была в ресторане.

Они гуляли по городу и говорили о разных мелочах, не о главном. Юля читала Новикову стихи. Свои и Есенина, Мандельштама, Цветаевой. Как ни странно, многие Новиков не знал. Когда он учился, Мандельштам оставался под запретом. И Цветаева с Пастернаком до некоторой степени. Ещё не утих тогда скандал с «Доктором Живаго». А потом Новикову стало не до стихов.

Юлин голос... До чего же красивый, мелодичный был у неё голос! Необыкновенно выразительный, волнующий голос, который он столько раз слышал в «Ютубе», который возбуждал его, сводил с ума, рождал желание. Он взял Юлю за руку,

прижал к себе. Она не отстранялась. Они вошли в ресторан.

— Юля,— начал Новиков, когда они чокнулись,— Юлечка, ты самая близкая мне. Единственная. Данная Богом. Я смотрю на тебя и думаю, что ты—ангел. О, как я хотел бы быть с тобой. Отчего мы не встретились раньше? Разве это справедливо?

Новиков заметил, как она съёжилась, словно стала меньше. Её щёки стали пунцовыми. «Давление»,— подумал он.

— Не нужно,— простонала она.— Не нужно говорить об этом. Я тоже... люблю тебя... как друга,— поспешно добавила она.— Хотела бы любить. У меня никого нет... кроме тебя и мужа, Димы. Мы с ним очень были близки, очень.

Новикову показалось, что в глазах у неё стоят слёзы.

— Что же делать?— спросил он.

— Ты ведь тоже женат,— сказала она.— И жена у тебя знаменитая.

— Это странный брак. Ненастоящий,— отвечал Новиков.— А настоящая—ты.

— Да,— согласилась Юля.— Но что же делать? Я другому отдана и буду век ему верна. Дима не виноват, что так случилось. Это может быть с каждым. Может быть, когда-нибудь...

«Нет,— подумал Новиков.— Я не дождусь. Мне уже семьдесят. Слишком поздно».

— Мы не могли встретиться с тобой раньше?— спросил он.

— Шансов было очень мало,— подтвердила она.— И теперь... Разве что на небесах, в другой жизни. Или в стихах. Но я не умею писать стихи,— вздохнул он.

Юрий Матвеевич взял Юлю за руки. Руки у неё оказались очень нежные, несмотря на нелёгкую домашнюю работу. Он наклонился к ней и поцеловал—нежным, ласковым, долгим поцелуем, в котором столько было и любви, и отчаянья.— Да, в стихах,— прошептал Новиков.— В стихах...

Новиков почувствовал, что из глаз у него текут слёзы.

Он взглянул на Юлю. Глаза у неё тоже были мокрые.